



В. С. МАРКОВ

**Послесловие (к книге: Рассел Б.
Практика и теория большевизма. М., 1991)**

«Книги имеют свою судьбу». Справедливость этой латинской поговорки подтверждается и в наше время. Мы с удовлетворением наблюдаем, как достоянием нашей духовной культуры становятся ранее не доступные широкой публике документы и мемуары, научные труды и художественные произведения. Живой читательский интерес вызывают прежде всего те из них, которые во многом созвучны современным общественным настроениям, подпитывая их информацией, доводами, идеями. В этом смысле книга выдающегося английского философа и математика Бертрана Рассела «Практика и теория большевизма» принадлежит как раз к такому разряду духовных ценностей, которым суждено активное долголетие, ибо они способны дать мощный творческий импульс мышлению людей, живущих в иное время, чем их создатель.

Книга Б. Рассела существенно обогащает наши представления о Советской России первых послеоктябрьских лет и наши знания о том, как воспринимались на Западе Великая Октябрьская социалистическая революция и перспективы строительства нового общества, большевизм и Советская власть. Но книга ценна не только как важный историко-мемуарный документ. Есть у нее иные черты, иные качества, позволяющие ей и сегодня выглядеть остро актуальной, — порой она буквально обжигает авторскими оценками и суждениями, готовыми естественно влиться в общественные дискуссии нашего времени. Происходящая в СССР перестройка закономерно обострила интерес к далеким истокам нашего сегодняшнего общественного развития, к предыстории и истории Октября. Советская Россия, какой ее увидел Б. Рассел в 1920 г., представляла собой еще не остывшую лаву. В судьбе страны, в судьбе великой социальной революции было много неясностей, связанных, правда, уже не с гамлетовским вопросом «быть или не быть?», а с конкретным выбором каждого шага дальнейшего продвижения вперед, с вопросами

типа: «как быть?», «с чего начать?», «что делать?», «куда идти?» и т. д.

Живых и вполне добросовестных свидетельств о том времени осталось много, но они очень разнородны, неравноценны, и не только по своим позициям — от восторженного приятия до категорического осуждения, но и по широте взгляда на события, по глубине проникновения в происходящее. Конечно, могут равно впечатлять, например, и полный торжества восстановленной справедливости рассказ крестьянина о том, как изгоняли ненавистного тунейца-помещика, и пронизанное горечью повествование образованного дворянина о бессмысленной жестокости озлобленных крестьян, разоривших его родовое гнездо, ломавших старинную мебель, спаливших библиотеку. В подобных свидетельствах пульсирует жизнь, поскольку задевает кровные интересы, в них — с разных сторон — идет отчаянный поиск истины и справедливости, движимый стремлением к оправданию своих действий, и потому читаем мы эти вещи с неослабевающим вниманием.

Но еще более интересны свидетельства тех людей, которые могли не только ярко воспроизвести свои впечатления, но и попытались осмыслить происходящее, сопоставить его с перспективами человеческого прогресса, вписать его в общий контекст мировой истории. Здесь жизненная достоверность важна не сама по себе, а как убедительный аргумент в обобщающих суждениях, в оценках, сомасштабных историческому смыслу событий. Б. Рассел ехал в Россию за аргументами именно такого рода, ехал как пытливый исследователь.

Бертран Рассел пусть в общих чертах, но достаточно достоверно представлял себе теоретически конечные цели и идеалы Октябрьской революции и смело (очень смело для представителя интеллектуальной элиты в стране, враждебно относящейся к Советской России) заявлял о том, что разделяет их. «Несомненно, что самое важное в российской революции — это попытка осуществить коммунизм. Я верю, — пишет он, — что коммунизм необходим миру, верю также, что героизм России воспламенил человеческие надежды, а это очень важно для достижения коммунизма в будущем. Большевизм, если даже рассматривать его лишь как дерзновенную попытку, без которой конечный успех был бы просто невозможен, все равно заслуживает благодарности и восхищения всей прогрессивной части человечества»^{*}.

Для читателя подобная оценка, конечно, неожиданность. Но автор пришел к ней не случайно и не вдруг. Б. Расселу как ученому присуща огромная интеллектуальная честность, стремление воз-

^{*} *Рассел Б.* Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 5.

можно объективнее воспринять российскую действительность, возможно точнее передать свои впечатления, размышления и оценки. Нельзя сказать, что он был полон радужных иллюзий перед поездкой — его профессионально отточенный ум, опыт, информированность о положении в России (тогдашние европейские идеологические фильтры работали с полной нагрузкой, пропуская в первую очередь «негатив») гарантировали от подобной наивности. Однако столкновение с реальностью даже столь подготовленного человека вызвало у него шок: очень многое оказалось хуже, чем он ожидал. И главные претензии свои он обратил к большевизму, излив свои разочарования в критике теории и практики большевизма — критике одновременно доброжелательной и беспощадной. «Я приехал, — пишет Рассел, — в Россию коммунистом, но общение с теми, у кого нет сомнений, тысячекратно усилило мои собственные сомнения — не в самом коммунизме, но в разумности столь безрассудной приверженности символу воры, что ради него люди готовы множить без конца невзгоды, страдания, нищету»^{*}.

Исторический оптимизм Рассела (более смахивающий на надежду, мотивированную в основном нравственными позициями), постоянно соседствующий с рационалистическим скептицизмом, как видим, заметно пострадал. Однако Рассел сохранил убежденность в том, что «существующая капиталистическая система обречена» и ей на смену придет «радикально новое общественное устройство». На основе увиденного в России и других странах он пришел к выводу, что «Запад способен выбрать менее мучительный путь и более надежные способы достижения социализма, чем те, которые считают неизбежными в России». Резко критикуя большевиков, объявляя наивной их теорию, неумелой и непоследовательной их политику, Рассел, однако, совершенно меняет тон, когда заходит речь об историческом смысле начатой большевиками борьбы. Здесь он объявляет себя сторонником большевиков, подчеркивая, что в политическом смысле он критикует их только тогда, когда их методы кажутся отступлением от их собственных идеалов.

Б. Рассел посетил Россию в тяжелейшую пору разрухи, когда состояние промышленности он не мог характеризовать иначе как «упадок» или «развал», когда города голодали, а деревня обносилась и одичала, когда вынужденная чрезвычайной обстановкой политика «военного коммунизма», которой неизбежно сопутствовало усиление бюрократического и репрессивного государственного аппарата, была близка к исчерпанию, подходила к грани разрыва между властью и народом, вела к накоплению апатии и недовольства

^{*} Там же. С. 24.

не только в крестьянских, но и в рабочих массах. Делегации, вместе с которой Рассел ездил по России, были предоставлены благоприятные возможности для ознакомления с разными сторонами жизни молодого советского общества. Рассел постарался как можно полнее эти возможности использовать. В своей книге он рисует довольно объективную картину того, что было. Картину тем более впечатляющую, что она полна сострадания, сочувствия к народу, совершившему великую революцию и испытывающему неимоверные лишения на пути к светлому будущему...

Светлому ли? Рассел задает вопрос о перспективах большевистской революции не из чистой любознательности. Его гложет тревога, когда он думает о будущем Советской России — и не ее одной, коль скоро большевистская революция оказалась фактором всемирного значения. Напряженно вглядываясь в особенности ведения хозяйства, государственного строительства, крутых перемен в духовной жизни общества, положения простого человека — рабочего, интеллигента, крестьянина — в переломанной социальной структуре, Рассел зорко отмечает все щели и зазоры между идеалами и целями революции, с одной стороны, и повседневной общественной практикой — с другой. И видит — и показывает читателю, — как в эти щели постепенно, но неуклонно вползает то, что не имеет никакого родства с социализмом и коммунизмом, то, что сулит новые беды государству, народу, человеку. К числу таких отрицательных явлений Рассел относит концентрацию власти в руках меньшинства, преобладание методов насилия, не считающегося с законом, материальными и духовными интересами больших масс населения, с нравами и свободами личности. Здесь мы можем увидеть массу наблюдений, выводов и даже практических советов, ценность которых и поныне не утратила своего значения.

В. Рассел видит реальный факт — правящую 600-тысячную партию в многомиллионной стране и, естественно, во всех недостатках власти и правления, какими они предстали ему в 1920 г., винит большевиков, их политику, их теорию. Такова его критика льгот, привилегий, сопутствующих обладанию властью и близости к ней. Вот что пишет он в этой связи о коммунистах: «Практически они одни обладают властью, вследствие чего могут иметь бесчисленные преимущества. Большинство из них — далеко не впадая в роскошь — питаются все же лучше, чем весь народ. Только люди с определенным политическим весом могут иметь телефон или автомобиль. Возможностей поехать куда-либо поездом, сделать покупки в советских магазинах (где цена примерно в 50 раз ниже, чем на рынке), пойти в театр и так далее, конечно же, больше у тех, кто близок к власти, чем у простых смертных. И тысячами способов коммунисты могут

достичь более благополучной, чем у остальных, жизни. К тому же они меньше обременены навязчивым вниманием со стороны полиции и Чрезвычайной Комиссии»*.

Суровые обвинения. Логичные вроде бы рассуждения. И хотя правды здесь много, но есть и явная неправда, что доказать нетрудно. Во-первых, большинство партии в то время составляли рабочие. У нас нет оснований не доверять приводимым в книге самого Рассела данным о буквально бедственном положении рабочего класса и вообще городского населения, стремящегося хоть ненадолго вырваться в деревню, чтобы подкормиться. В деревнях же Рассел, как он сам подчеркивает, коммунистов не встречал. Во-вторых, очень убедительно, достоверно выглядит описание Расселом состава тех управленческих кадров, которые обладали властью или были близки к ней. Это: 1) занимающая ключевые посты старая партийная гвардия, верная идеалам, ведущая аскетический образ жизни и отдающая все силы делу, 2) рвущиеся к власти (в том числе и через членство в партии) карьеристы и проходимцы, радеющие превыше всего о личном интересе, 3) так называемые спецы, необходимые для управления разными отраслями производства и государства, имеющие устойчивое (следовательно, привилегированное) материальное положение и большей частью стоящие вне партии. В большинстве беспартийными были и государственные служащие, оставшиеся от старого строя и входящие во вторую из этих категорий.

К сожалению, Рассел не свел воедино эти доступные ему данные и цитированное выше заключение, что можно объяснить новизной жизненного материала, с которым он имел дело. Но та доля истины, которая, бесспорно, содержалась в его утверждении, учитывалась и Лениным, полагавшим, что партия чрезмерно разбухла за счет ненадежных коммунистов. Имеются все основания считать актуальными и сейчас тогдашние оценки Рассела и Ленина.

Еще существеннее мысли Рассела о сосредоточении власти в руках стабилизированного меньшинства и угрозе отрыва ее от народных масс. С искренней тревогой о будущем зарождающегося социалистического общества Рассел пишет, что «опыт власти неизбежно меняет коммунистические теории, и люди, контролирующие государственную машину, вряд ли будут иметь точно те же взгляды, которые имели, когда были в положении преследуемых». Очень резонное замечание. Но, думается, не помешало бы добавить, что в условиях России с преобладанием мелкособственнического, крестьянского населения социальный состав многих новых органов власти сначала неизбежно формировался из некоммунистических элемен-

* Там же. С. 18.

тов. Рассел сам пишет о широком использовании старых служащих, в том числе в органах охраны порядка. И лишь во вторую очередь можно говорить о разбавлении состава органов управления на всех уровнях снизу доверху коммунистами, особенно рабочими: квалифицированных рабочих остро не хватало в промышленности, и их возвращали на производство буквально отовсюду. Односторонность подхода Рассела к освещению этого вопроса налицо, однако «виноват» не он, виновата социальная обстановка тогдашней индустриально и культурно отсталой России, «виновато» преобладание того мелкобуржуазного элемента в государственном управлении (а позднее, очевидно, и в партии), который не только численно потеснил старую партийную гвардию, но задавил своей психологией и нравами (власть — источник «кормления»). События 1930-х гг. показали, что старая партийная гвардия была задавлена и буквально.

Всесилие аппарата, пришедшего к власти в результате вооруженного восстания и победившего в гражданской войне, породило еще одно препятствие на пути осуществления социалистических идеалов. В полемике о роли насилия в общественном развитии Рассел категорически не на стороне того большевизма, с которым он вплотную познакомился в 1920 г., когда «военно-коммунистические» порядки еще были незыблемы, а гражданская война еще не кончилась. Фактов насилия, оправдываемого политической целесообразностью, в жизни России было предостаточно, даже в хозяйственной: у крестьян отбирали продовольствие, не останавливаясь перед применением силы оружия, рабочих удерживали на производстве в живущих впроголодь городах страхом сурового наказания по законам о «трудовом дезертирстве». С нескрываемым осуждением Рассел напоминает о внесудебном преследовании и наказании граждан органами ВЧК, хотя законодательно эта практика к моменту пребывания ученого в России уже была отменена. Он не скрывает ни отрицательных оценок, ни опасений за будущие порядки в обществе, когда говорит о растущем влиянии и безграничном расширении сферы действия репрессивного аппарата. Эта тенденция представлялась ему особенно опасной в условиях, когда нехватка предметов первой необходимости, особенно продовольствия, делала практически всеобщими незаконные способы обеспечения, и это всеобщее нарушение существующих законов создавало не только обстановку правового нигилизма, но и почву для извлечения отсюда выгод правоохранительными органами, для упрочения их реального всевластия над судьбами людей. Для подобных тревог, как показал последующий исторический опыт страны, были все основания, и в силе предвидения тут Расселу не откажешь.

В обсуждении проблем насилия Рассел через нравственную мотивацию выходит на предельно общий, социально-философский

уровень. И это тоже чрезвычайно интересно, хотя практическая работа большевиков, которые не останавливались перед насильственными методами, чтобы создать элементарные условия для функционирования общества в экстремальных условиях (внешняя блокада Советской России, беспощадная вооруженная борьба против внутренней контрреволюции и иностранной интервенции), казалась очевидной. Говоря о безнравственности насилия, Рассел обращает внимание на те социально-психологические соображения, которые необходимо иметь в виду для предвидения долговременных — даже в общеисторическом плане — отрицательных последствий широкого применения насилия в политической практике. Он обвиняет большевиков в преувеличении роли насилия, бескомпромиссно становясь на сторону мирных, эволюционных преобразований. «Я утверждаю, — пишет он, — не то, что капитализм менее плох, чем думают большевики, а то, что социализм недостаточно хорош — не в лучших его образцах, а именно в той форме, которая, похоже, может осуществляться лишь через войну. Зло войны, особенно гражданской, очевидно и очень велико; результат, который приносит победа, весьма сомнителен. В ходе беспощадной борьбы может оказаться утраченным наследие цивилизации, а вот ненависть, подозрительность и жестокость сделаются нормой в отношениях между людьми. Чтобы победить в войне, необходима концентрация власти, а из концентрации власти вырастают те же беды, что и из капиталистической концентрации богатства. Именно вследствие этих причин я не могу поддерживать любое движение, целью которого является мировая революция»*.

Эти соображения Рассела противники коммунизма нередко пытались использовать в своих интересах, изображая коммунизм изначально греховным, аморальным, антигуманным. Рассел, однако, не дает повода для такой односторонности, объясняя вынужденность системы жестких мер вполне объективными обстоятельствами недавнего прошлого России и тяжелейшей обстановки, сложившейся из-за безмерных внутриобщественных трудностей, многократно увеличенных войной и блокадой. Но не только это — в его устах еще решительнее звучит осуждение насилия, осуществляемого правящими кругами империалистических государств, вышедших победителями в первой мировой войне. Он предупреждает правителей стран Антанты: «Злоупотребления силой в отношении Германии, России, Индии (не говоря уже о других странах) смогут приблизить наше падение и причинить гораздо большее зло, чем то, которого так страшатся враги большевизма»**.

* Там же. С. 19.

** Там же.

Вопрос об исключении насилия из взаимоотношений классов, народов и государств Рассел считает одним из важнейших для судеб человеческой цивилизации.

Прежде всего он формулирует доводы в пользу ограничения насилия, против придания насилию роли универсального средства при рассмотрении политики и теории большевизма. Да, и теории, хотя, на мой взгляд, приписывание насилию значения своего рода основополагающего принципа марксистской теории некорректно. А оно присутствует в книге Рассела, который однозначно трактует мировую революцию как свержение капиталистических порядков только силой оружия. Каковы, по мнению Рассела, установки большевиков на дальнейшее, вслед за их победой в октябре 1917 г., развитие мировой революции? «Коммунистические представления о международных делах чрезвычайно просты. Предсказанной Марксом революции, которая покончит с капитализмом во всем мире, суждено начаться в России, хотя в соответствии с марксистской теорией, — иронизирует Рассел, — ей следовало бы начаться в Америке. В странах, где революция еще не вспыхнула, единственная обязанность коммуниста — ускорить ее приход. Соглашения с капиталистическими государствами могут быть лишь паллиативами и никогда не склонят обе стороны к честному миру»^{*}.

Военная попытка подавить большевистскую революцию не удалась, и перспективы новой успешной интервенции более чем сомнительны. Блокада, конечно, усугубляет и без того колоссальные трудности России, но Россия ее выдержит, а большевистский режим устоит. Результатом такой непримиримо враждебной политики, которую ведут правительства империалистических государств, предупреждает Рассел, могут быть только активизация действий большевиков по пропаганде и распространению мировой революции и усиление агрессивности внешней политики. Нет гарантий, пишет Рассел, что через десяток лет победоносная Красная Армия не окажется у ворот Индии, и не видит доводов против возможности установления в ближайшем будущем господства большевизма над Азией. Нелишне заметить, что он обильно цитирует документы Коминтерна, анализирующие подъем национально-освободительных движений в колониях и рекомендующие их всемерную поддержку.

Достаточно ли точно выразил здесь Рассел свои убеждения или в его словах есть доля лукавства? Можно предполагать последнее, так как в его рассуждениях о международной политике большевизма проглядывает еле скрытое психологическое давление на капитанов капиталистического мира с целью склонить их к перемене поли-

^{*} Там же. С. 18.

тики в отношении Советской России на сторону мирных отношений с ней, развития торговли и даже оказания разносторонней экономической помощи. Они должны понять свою же заинтересованность в экономической стабильности России, в обеспечении ее мирного эволюционного прогресса, предотвращающего импульсы к внешней экспансии, пусть и под флагом мировой революции.

Но можно ли говорить об агрессивной политике большевистского руководства, преследующей цель ускорения мировой революции? Вопрос, на который с ходу однозначно не ответишь, хотя общеизвестны положения из работ Маркса, Энгельса и Ленина с предупреждениями против экспорта революции, против насильственного осчастливливания других народов, не говоря уже о многочисленных высказываниях в пользу мирного, бескровного течения революции. Рассела могли убедить в приоритете развитии мировой революции вооруженным путем широко распространенные среди коммунистов и идущих за ними трудящихся надежды на скорую победу пролетарской революции в Европе и во всем мире, даже уверенность в этом. Несомненно, он знал о существовании таких настроений и до своей поездки, ибо вопросы эти были предметом широкого обсуждения, в том числе на самых официальных уровнях — на съездах большевистской партии и Советов (особенно в связи с Брестским миром), на конгрессах Коминтерна. Отражались такие настроения и в мировой прессе, причем в преобладающей ее части, настроенной по отношению к Советской России и большевикам отнюдь не дружелюбно, — в виде предупреждений, призывов к готовности отразить агрессию сторонников мировой революции.

Правильный ответ на этот вопрос невозможен без широкого взгляда на изменения конкретно-исторических ситуаций, составляющих фон развития противоречий между трудом и капиталом в мировом масштабе, а затем острой борьбы между силами, борющимися за социализм, с одной стороны, и защищающими капиталистические порядки — с другой. Проблема эта недостаточно осмыслена нашей общественной наукой, ибо еще не преодолено представление о неразрывной связи степени зрелости этого диалектического противоречия с его остротой.

Представление об обязательном соответствии степени созревания противоречия и остроты его проявления было верным только на определенном уровне исторического развития современной цивилизации. Бесперспективность общественного развития через постоянно нарастающие конфликты, разрешаемые к тому же наиболее острыми средствами, впервые проявилась после победы Октябрьской революции. Конфликтное развитие требовало постоянной предельно острой конфронтации; но поскольку постоянная война

попросту невозможна, то перерывы между войнами могли означать только непрерывную подготовку к новым вооруженным конфликтам. Весь этот огромный исторический период, который мы вправе назвать эрой конфронтации, созревает только в наше время, хотя первый сигнал о необходимости его исчерпания прозвучал в октябре 1917 г. Не случайно первым законодательным актом нового государства стал ленинский декрет о мире, идеи которого жизнеспособны и теперь. Легко высказывать эти соображения теперь в свете накопленного за 70 лет исторического опыта. В 1920 г. Рассел был в ином положении, но и тогда его вооруженный идеями гуманизма и оснащенный научными методами разум смог предвидеть движение в будущем к торжеству ненасилия в отношениях между государствами и народами, людьми и их многообразными общностями — классами, нациями, партиями и т. д. Здесь цельность воззрений Рассела несомненна, и соответствующие высказывания по разным сторонам этой темы буквально рассыпаны по всему тексту книги.

Эра конфронтации как определяющей черты в отношениях между государствами, народами, социально-политическими силами и т. д. все более очевидно выявляет свой анахронизм, свою принадлежность к тому прошлому, от которого со всей определенностью уходит человеческая цивилизация. Борьба на уничтожение — сколько ее сейчас ведется и сколько ее еще будет впереди! — обнаруживает принадлежность к прединформационной истории человечества, употребляя выражение Маркса. С точки зрения нового политического мышления, воспринятого как адекватное выражение путей к сохранению и прогрессу человечества, такой конфронтации быть не должно. Но она все-таки продолжается. И нам незачем искать ее за рубежом — она есть и у нас, сохраняется и в проявлениях политического экстремизма, и в националистических вспышках, и в нынешних общественных дискуссиях. Пока мы не поймем необходимость искоренения конфронтационного подхода как первостепенную задачу всех здоровых сил общества, успех перестройки — под сомнением. И здесь вполне современно звучат слова Бертрانا Рассела в пользу общественной консолидации людей: «Ненавидеть врагов легче и увлекательнее, чем любить друзей. От людей же, которые больше озабочены уничтожением противников, чем совершенствованием этого мира, вряд ли можно дожидаться большого добра»^{*}.

В заключение — об оценке Расселом большевистской теории. Это, пожалуй, самое слабое место в книге. Судя по всему, собираясь ехать в Советскую Россию, а затем создавая свою книгу, он погрешил против своих же принципов научной работы — не взял на себя труд

^{*} Там же. С. 14.

чуть основательнее познакомиться с марксизмом. Случайно ли, что многие критические оценки марксистской теории даны мимоходом, в главах первой части, темы которых не обязывают к доказательному анализу теоретических проблем? Или то, что содержание второй части книги, специально предназначенной для разбора теории, как раз в этом отношении выглядит бедноватым: нет прямых ссылок ни на одну работу Маркса, Энгельса или Ленина, а объявленное критическое изложение марксизма фактически вытеснено рассуждениями о политической стратегии большевиков и многочисленными повторами — хотя и несколько под иным углом зрения — того, что уже сказано в первой части. Мне кажется, что при подготовке книги Рассел удовлетворился теми сведениями о марксизме, которые получил прежде, и не всегда, думается, из первых рук. Иначе трудно отделаться от впечатления, что в его книге марксистской философией, в частности социально-исторической концепцией марксизма, именуется то, что на самом деле должно быть названо как-то иначе. Например, «экономическим материализмом», от которого сами Маркс и Энгельс с презрением отмежевывались. Трудно поверить, но в изложении Рассела Маркс якобы склонен человеческое существо рассматривать как марионетку, подвластную всемогущим материальным силам. Маркс, столь возвысивший творческую мощь человеческого разума, творческую активность человека!

И все же предъявлять серьезные претензии к автору книги по этому поводу, видимо, нельзя. С самого появления своего марксизм окружен мифами, слухами, стеной непонимания. Многие из наследия Маркса и Энгельса, признаваемое ныне весьма существенным для понимания сути нового мировоззрения, в то время было просто неизвестно, недоступно читателю: «Немецкая идеология», «Экономическо-философские рукописи 1844 года», огромный массив подготовительных работ к «Капиталу» и т. д. Да и не повернется язык упрекнуть Рассела в чем-либо ином, кроме излишней размашистости и категоричности суждений по не вполне освоенным им вопросам, если поводы для искаженного восприятия марксизма сплошь и рядом давали те, кто считался и считал себя правоверным марксистом. Да что говорить о начале века, если и в наши дни среди обществоведов и публицистов, пишущих «по-марксистски» или, наоборот, специализирующихся на критике марксизма, немало таких, которые без лишних доказательств смешивают марксизм с различными карикатурами на него.

Какие же замечания Рассела о путях общественного прогресса следует воспринять сегодня как практические рекомендации? Видимо, те, которые отражали научный взгляд на социальные явления и одновременно исходили из нравственных критериев. Тогда,

в 1920 г., первое нередко казалось непомерным забеганием вперед (хотя еще Маркс уверенно предсказывал науке роль величайшей производительной силы), второе вообще расценивалось большинством политиков как признак утопичности.

Похоже, что ныне, в конце XX в., положение меняется. Знаменитый афоризм Бенджамена Франклина «Нет ничего практичнее, чем хорошая теория» стал расхожим, а непонятная терминология Иммануила Канта, выявлявшего нравственный смысл в «практических суждениях», обрела буквально физическую плотность и весомость. Предположение Бертрانا Рассела о том, что борьба за социализм в условиях капитализма может вестись также через организацию самоуправления на предприятиях и овладение рабочими техническими и организационно-экономическими знаниями, уже не выглядит либеральной утопией, отвлекающей от решения коренных проблем. Более того, именно эти идеи могут и должны быть использованы в современных условиях коммунистами и другими левыми партиями для усиления своего влияния в трудовых коллективах, для упрочения связей с массами.

Разумеется, в книге есть и слабости. Но это несущественные в целом недостатки в работе блестящего ума. Ошибки Рассела более поучительны, более значимы для повышения нашей интеллектуальной культуры, нежели блистательные афоризмы очередного невежды, изображающего из себя митингового властителя дум и пытающегося рассуждать об экономике, о политике, о том о сем. Дошедшая, наконец, до советского читателя книга Бертрана Рассела — добрый пример того, какие серьезные усилия должен затратить ум, какой выдержанной научной добросовестностью и развитым чувством справедливости надо обладать, чтобы обсуждать ключевые проблемы эпохи и находить пути к их решению.

